

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 3 (66)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2024

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (66)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Серегин Н.Н. *, Матренин С.С.

Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, Барнаул, 656049
E-mail: nikolay-seregin@mail.ru (Серегин Н.Н.); matrenins@mail.ru (Матренин С.С.)

ОПЫТ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАТЕРИАЛОВ НЕКРОПОЛЯ ПРЕДТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ ЧОБУРАК-I (СЕВЕРНЫЙ АЛТАЙ)

Статья посвящена основным аспектам социальной интерпретации серии погребений, раскопанных в составе некрополя предтюркского времени на памятнике Чобурак-I (Республика Алтай). Охарактеризованы основные элементы демографической структуры группы кочевников, представлены особенности стратификации данного небольшого коллектива. Обосновано заключение о том, что рассматриваемый некрополь булан-кобинской культуры оставлен представителями местной элиты населения предтюркского времени.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, предтюркское время, социальная интерпретация, демографическая структура, некрополь.

Ссылка на публикацию: Серегин Н.Н., Матренин С.С. Опыт социальной интерпретации материалов некрополя предтюркского времени Чобурак-I (Северный Алтай) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 3. С. 31–41. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-66-3-3>

Введение

Благодаря интенсивным раскопкам погребальных памятников на территории Алтая, осуществленным в конце XX — начале XXI в., сформирована представительная источниковая база для исследования различных аспектов истории населения булан-кобинской археологической культуры. Одним из важных направлений изучения этих материалов стали социальные реконструкции, позволившие дать общие и особенные характеристики половозрастной, профессиональной и социально-имущественной стратификации кочевников региона во II в. до н.э. — V в. н.э. [Васютин С.А., Васютин А.С., 2005; Бобров и др., 2003; Мамадаков, 1997; Матренин, Тишкин, 2005; Серегин, Матренин, 2020; и др.]. Процедурно-методическую основу таких изысканий составляет определение маркеров погребального обряда и сопроводительного инвентаря, которые демонстрируют прижизненный статус умерших людей в горизонтальной и вертикальной структуре рассматриваемого общества. При этом общей позицией во всех обозначенных исследованиях является утверждение о том, что включение Алтая в сферу влияния кочевых империй Центральной Азии (хунну, сяньби, жу-жаней) привело к формированию у полиэтничного населения региона новой социально-политической организации, базировавшейся на родоплеменной стратификации.

Рис. 1. Карта-схема расположения памятника Чобурак-I на территории Алтая.

Fig. 1. Map-scheme of the location of the Choburak-I site in Altai.

* Corresponding author.

Перспективным направлением исследований этносоциальной истории кочевников Алтая последней четверти I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э. является детализация специфики развития отдельных локальных групп населения булан-кобинской культуры, а также анализ динамики статуса носителей разных погребальных традиций на протяжении обозначенного периода. В этом контексте принципиально важным следует считать анализ полностью раскопанных могильников, изучение которых позволило получить качественные археологические и антропологические источники для различного рода реконструкций. Один из примеров таких памятников — некрополь Чобурак-I, демонстрирующий существование небольшой группы кочевников на территории Северного Алтая в предтюркское время. Результаты раскопок этого комплекса в полном объеме опубликованы в вышедшей недавно монографии [Серегин и др., 2023]. Также в данной книге охарактеризована общая картина дифференциации группы кочевников, оставившей могильник [Серегин и др., 2023, с. 214–234]. В настоящей статье представлены возможности социальной интерпретации имеющихся археологических материалов в связи со сложными процессами социогенеза, происходившими на Алтае на рубеже древности и средневековья.

Характеристика источников

Погребально-поминальный памятник Чобурак-I находится на правом берегу р. Катунь, к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай (рис. 1). Археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов статьи в составе данного комплекса был раскопан некрополь булан-кобинской культуры. Он состоял из 12 непогрязенных курганов, расположенных компактной группой (рис. 2) в северной части памятника, возле погребальных сооружений периода энеолита и раннескифского времени, а также неподалеку от тюркских оградок.

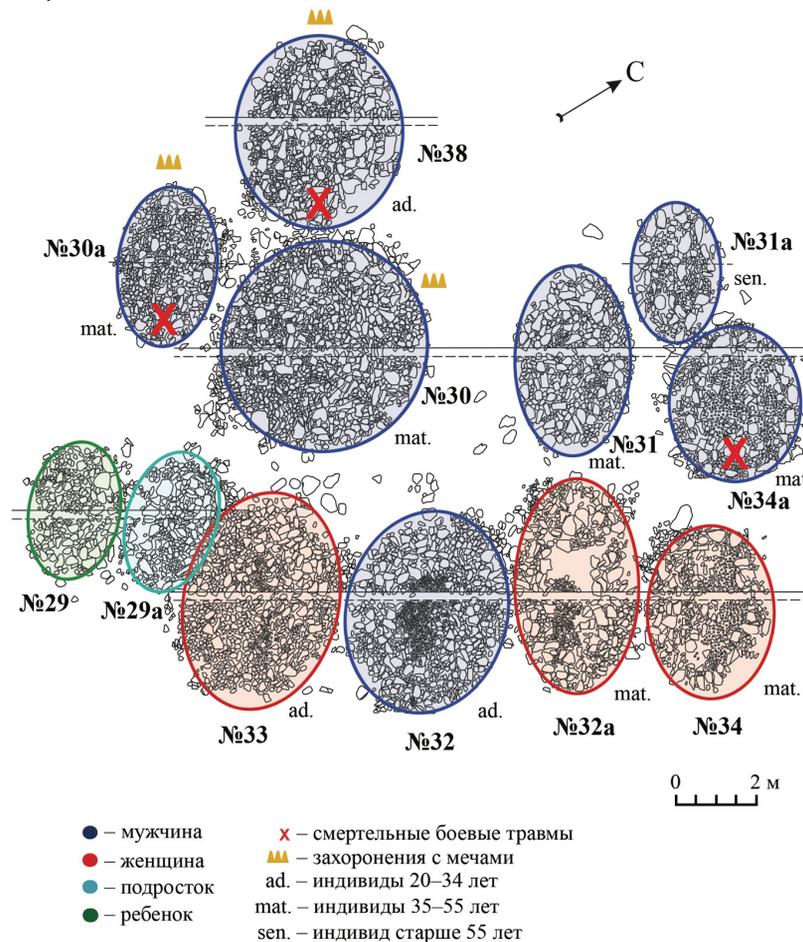

Рис. 2. Планиграфическая схема некрополя булан-кобинской культуры Чобурак-I
 Fig. 2. Planigraphic scheme of the necropolis of the Bulan-Koby culture Choburak-I.

Опыт социальной интерпретации материалов некрополя предтюрокского времени Чобурак-I...

Ключевыми характеристиками рассматриваемых объектов являются локализация несколькими «плотными» рядами; невысокая каменная насыпь овальной формы с крепидой; неглубокая (до 1,3 м) и узкая (до 1,1 м) яма с деревянными внутримогильными конструкциями и без таковых; одиночная ингумация умерших людей вытянуто на спине; ориентировка покойных головой в западный сектор горизонта с отклонением на север; сопроводительное захоронение лошади в «ногах» и поверх умершего. По совокупности этих признаков раскопанные погребения относятся к дялянской традиции обрядовой практики населения булан-кобинской культуры [Серегин, Матренин, 2016, с. 161–162; Митько, 2018]. Анализ сопроводительного инвентаря с привлечением результатов радиоуглеродного датирования позволяют определить хронологию некрополя в рамках середины — второй половины IV в. н.э. [Серегин и др., 2023].

Среди скелетированных останков 12 чел. идентифицированы 7 мужчин, 3 женщины, подросток и ребенок¹ (табл. 1). Гендерная принадлежность индивидов во всех случаях подтверждена составом вещей, обнаруженных рядом с погребенным [Серегин, Матренин, 2020, с. 35–67]. Сформированная серия материалов дает основания для ряда заключений об особенностях демографии, половозрастной структуры и социальной стратификации «булан-кобинцев», оставивших некрополь.

Половозрастной состав умерших людей из некрополя булан-кобинской культуры памятника Чобурак-I

Age and sex of deceased people from the necropolis of the Bulan-Koby culture of the Choburak-I site

Пол и возраст, лет		
<i>Дети и подростки</i>		
1	Курган № 29	9–11
2	Курган № 29а	13–15
<i>Женщины</i>		
3	Курган № 32а	40–50
4	Курган № 33	20–25
5	Курган № 34	30–35
<i>Мужчины</i>		
6	Курган № 30	30–35
7	Курган № 30а	30–40
8	Курган № 31	Около 40
9	Курган № 31а	Старше 55
10	Курган № 32	25–30
11	Курган № 34а	30–35
12	Курган № 38	25–30

Демографическая структура

Данные раскопок памятника Чобурак-I демонстрируют типичную для булан-кобинской культуры ситуацию резко выраженного количественного доминирования (в три раза) мужской части населения над женской [Серегин, Матренин, 2020, с. 74–77]. Судя по антропологическим определениям, средняя продолжительность жизни взрослых людей составляла 35 лет с незначительной разницей у мужчин (35,7 года) и женщин (32,2 года). Обозначенные параметры совпадают с показателями среднего возраста смерти мужчин (36 лет) и женщин (32 года), полученными на основе обобщенной выборки по разным погребальным комплексам последней четверти I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э. с территории Алтая [Серегин, Матренин, 2020, с. 77].

Следует отметить, что в материалах раскопок некрополя Чобурак-I имеются захоронения ребенка 9–11 лет и подростка 13–15 лет и в то же время отсутствуют могилы детей младшей возрастной подгруппы. Это выглядит необычным, если учесть высокую смертность детей в первые годы жизни, характерную для всех народов древности и средневековья. Данный факт, с одной стороны, можно рассматривать как свидетельство существования у «булан-кобинцев» практики захоронения детей небольшого возраста отдельно от взрослых². В качестве другого варианта

¹ Выражаем благодарность к.и.н. С.С. Тур за предоставленные антропологические определения.

² На сегодняшний день единственным примером отдельного «детского» кладбища в материалах булан-кобинской культуры является комплекс погребений сяньбийского времени Бике-I (Северный Алтай) [Кубарев и др., 1990]. В обобщенной выборке захоронений рассматриваемой общности удельный вес детей и подростков составляет 25 %, что, в целом, представляется возможным проецировать на реальную популяцию. При этом на отдельных хорошо исследованных некрополях количество детских могил могло достигать, а иногда превышать третью часть всех вскрытых объектов [Серегин, Матренин, 2020, с. 75–76].

объяснения зафиксированной ситуации следует допустить чрезвычайно короткий период использования территории некрополя для совершения захоронений небольшим коллективом кровных родственников. Аргументами в пользу последнего предположения является принадлежность объектов булан-кобинской культуры памятника Чобурак-I к одной погребальной традиции, а также достаточно однородный в хронологическом отношении сопроводительный инвентарь.

Среди умерших женщин две относятся к возмужалой (от 20 до 35 лет), а одна — к зрелой (40–50 лет) возрастной группе. Для мужской части рассматриваемой популяции характерно, во-первых, отсутствие индивидов моложе 25 лет, а во-вторых — одинаковое распределение погребенных по возрастным когортам 25–30, 30–35 и 35–40 лет. Материалы дают основание считать, что пик смертности у мужчин приходился на период с 30 до 35 лет. Вероятно, шесть из семи представителей данного пола принадлежали к одному поколению. Показательным является случай доживания мужчины до пожилого возраста (старше 55 лет). В этом контексте следует отметить, что в обобщенной антропологической серии булан-кобинской культуры среди 444 индивидов зафиксировано всего десять (2,2 %) человек (семь мужчин и три женщины), умерших после 55 лет³.

Важным фактором, повлиявшим на представленную картину демографической структуры, было участие рассматриваемой группы кочевников в вооруженных конфликтах. Отражением этого являются обнаруженные на посткраниальных скелетах трех взрослых мужчин повреждения без следов заживления, нанесенные мечом (курганы № 30а, 31), сочетающиеся в одном случае с декапитацией (курган № 34а). Обозначенные свидетельства подтверждают высокий уровень вооруженного насилия на Алтае в эпоху Великого переселения народов, когда в связи с распадом державы сяньби во второй половине III в. н.э. и обострением междоусобной борьбы за власть в IV в. н.э. отдельные коллективы «булан-кобинцев» могли стать участниками вооруженных столкновений, в том числе с культурно/этнически чужеродным населением [Тур и др., 2018, с. 136].

Социальная стратификация

Материалы раскопок памятника Чобурак-I подтверждают вывод о том, что главным маркером социальной стратификации населения булан-кобинской культуры Алтая был сопроводительный инвентарь [Матренин, Тишкин, 2005, с. 161–177; Серегин, Матренин, 2020, с. 90–92]. Анализ обнаруженных изделий подтверждает полученные ранее на обширной серии объектов выводы о социальной «престижности» разных категорий предметов исходя из сравнения различных параметров: частота встречаемости; функциональное назначение при учете кочевого скотоводства как главного компонента системы жизнедеятельности; материальная ценность с точки зрения количества и качества использованного для их изготовления материала, а также трудоемкости технологии производства; незаурядность сакрально-символической роли изделия в системе религиозно-мифологических представлений; «модность» вещи [Матренин, Тишкин, 2005, с. 161–182; Серегин, Матренин, 2020, с. 35–71, 92–107].

Обозначенные параметры сравнения стали основанием для выделения разных по «престижности» наборов вещей (категорий) сопроводительного инвентаря, обнаруженных в погребениях взрослых людей из могильника Чобурак-I (рис. 3, 4). Для предметов вооружения первый по уровню социальной значимости набор включает мечи и доспехи, второй — боевые ножи, третий — луки и стрелы с железными наконечниками. Снаряжение человека подразделяется на три набора: в первый входят пояса с большим количеством деталей гарнитур (более десяти), во второй — стрелковые пояса с крюками-застежками, ножны с железными деталями, в третий — простые и наборные пояса с немногочисленными элементами гарнитуры. Амуниция верхового коня представлена двумя социальными наборами, первый из которых — декоративная уздечная и седельная гарнитура, второй — удила, псалии, уздечные, подпружные пряжки, блоки, застежки и прочие изделия. Орудия труда и предметы быта подразделяются на три набора: первый представлен металлическим котлом, второй — гребнем и косметической щеточкой, третий — всеми остальными изделиями (преимущественно ножи, костяные наконечники стрел, плети, шилья). Среди украшений самый «престижный» набор включает нашивные металлические пластины и круглую золотую бляху большого размера, второе место по социальной значимости занимают серьги и бляхи-нашивки, третье — все остальные предметы.

³ Судя по антропологическим материалам, в обществе кочевников булан-кобинской культуры Алтая старость наступала у мужчин уже в интервале 45–50 лет, а количество индивидов этого пола, доживших до 55 лет, составляет 3,7 % [Серегин, Матренин, 2020, с. 74].

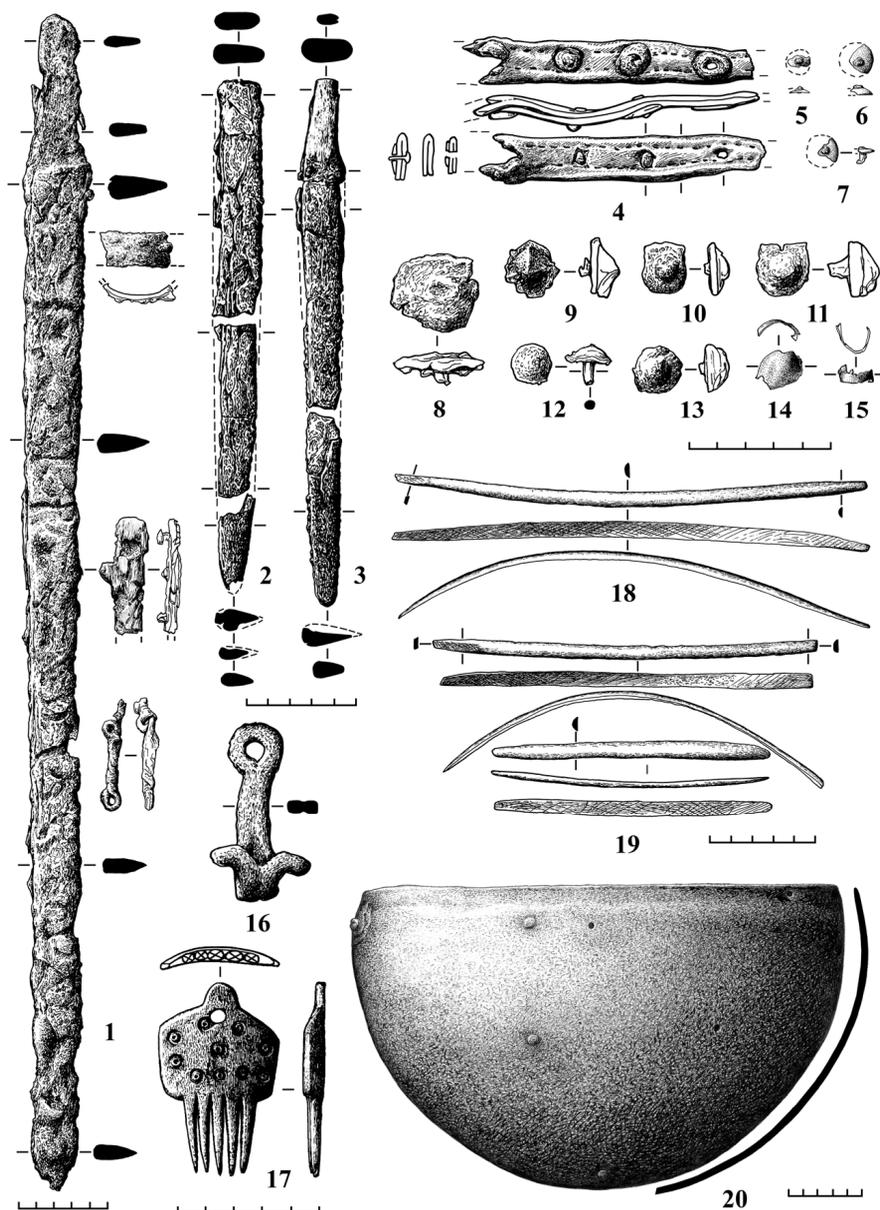

Рис. 3. Социально значимые категории сопроводительного инвентаря из погребений мужчин и подростка предтюркского времени памятника Чобурак-I:

- 1 — меч с деталями ножен; 2, 3 — боевые ножи; 4–13 — уздечные бляхи; 14, 15 — обкладки нагрявника лошади; 16 — колчанный крюк; 17 — гребень; 18, 19 — седельные канты; 20 — котел: 1–3, 8–13, 16, 20 — железо; 4 — цветной металл, кожа; 5–7 — цветной металл, железо; 14, 15 — цветной металл; 17–19 — кость (рог).
- Fig. 3.** Socially significant categories of accompanying inventory from the burials of men and a teenager of the Pre-Turkic period at the Choburak-I site:
- 1 — sword with scabbard details; 2, 3 — combat knives; 4–13 — bridle plaques; 14, 15 — facings horse's breastplate; 16 — quiver hook; 17 — comb; 18, 19 — saddle edges; 20 — boiler: 1–3, 8–13, 16, 20 — iron; 4 — non-ferrous metal, leather; 5–7 — non-ferrous metal, iron; 14, 15 — non-ferrous metal; 17–19 — bone (horn).

Результаты ранжирования наборов предметов материальной культуры, а также обоснованные «социальные стандарты» погребальной практики (признаки, встречающиеся более чем в 50 % захоронений людей определенного пола) [Серегин, Матренин, 2020, с. 72] дают основания для выделения нескольких социальных групп погребений некрополя Чобурак-I.

Ребенок и подросток. При интерпретации социального статуса данных индивидов учитывалось, что стандарт их погребального обряда у населения Северного Алтая во второй половине IV — первой половине V в. н.э. предусматривал одиночную ингумацию без сопроводительного захоронения лошади, отсутствие инвентаря у детей до 3 лет и наличие немногочисленных вещей (нож, бусы,

костяные подвески, реже другие предметы) у индивидов 4–13 лет [Серегин, Матренин, 2020, с. 72]. Принимая во внимание эти наблюдения, наличие в могиле ребенка 9–11 лет из кургана № 29 комплекса Чобурак-I трех железных, костяного (рогового) наконечников, простого пояса и короткоклинкового ножа определенно указывает на его достаточно высокое социальное происхождение.

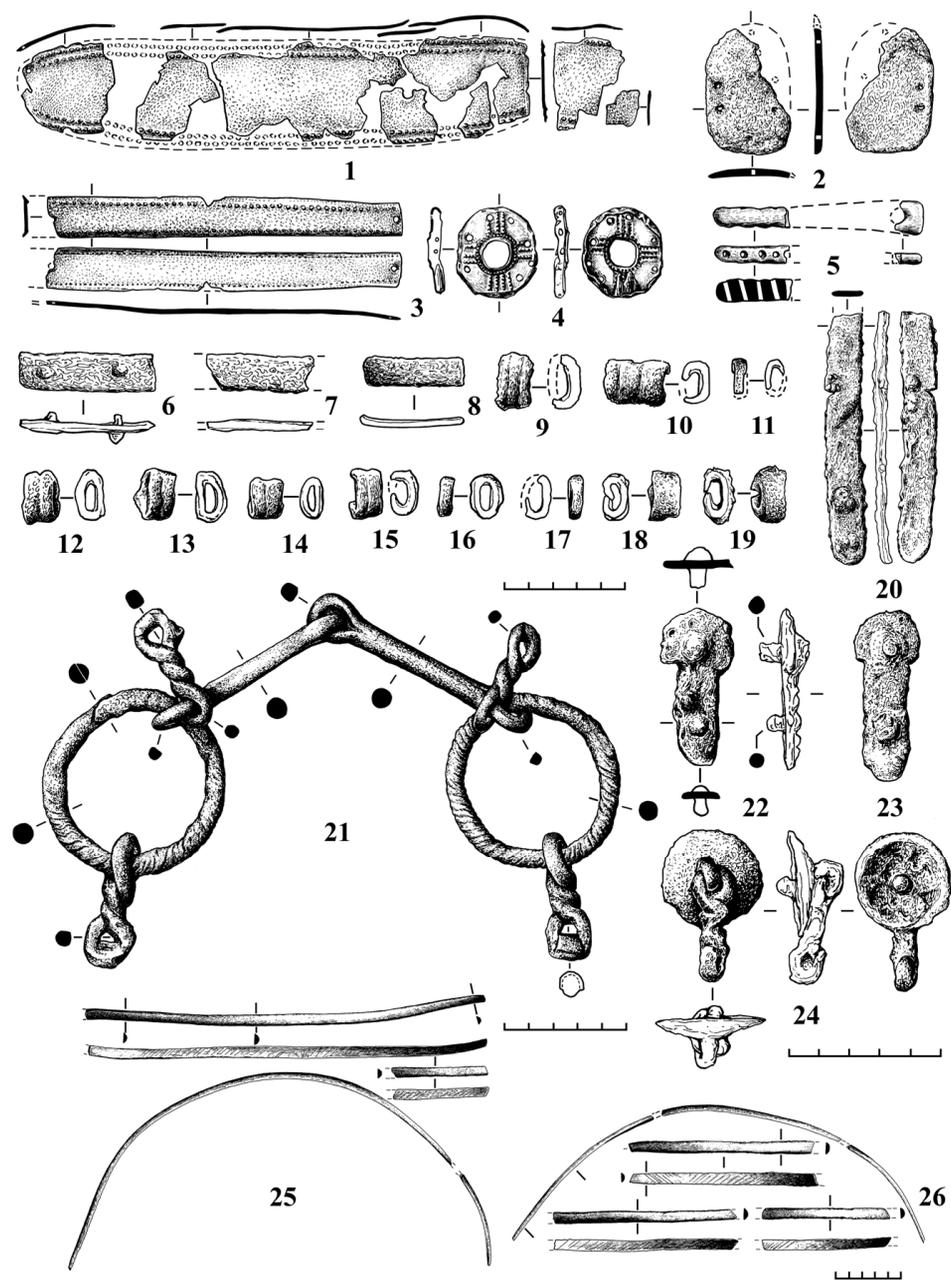

Рис. 4. Социально значимые категории сопроводительного инвентаря из женских погребений предтюркского времени памятника Чобурак-I:

1, 3 — большая и малая нашивные пластины от очелья накладки головного убора; 2 — панцирная пластина доспеха; 4 — бляха от диадемы; 5 — рукоять косметической щетки; 6–20, 24 — уздечные бляхи; 22, 23 — наконечники от ремней конского суголовья; 21 — удила с кольчатыми ложновитыми псалиями; 25, 26 — седельные канты: 1, 3, 4 — цветной металл; 2, 6–24 — железо; 5, 25, 26 — кость (рог).

Fig. 4. Socially significant categories of accompanying inventory from the female burials of the Pre-Turkic period at the Choburak-I site:

1, 3 — large and small sewn-on plates from the cape of the headdress; 2 — armor plate; 4 — plaque from the diadem; 5 — cosmetic brush handle; 6–20, 24 — bridle plaques; 22, 23 — tips from the belts of the horse head; 21 — bit with ringed false cheek-pieces; 25, 26 — saddle edges: 1, 3, 4 — non-ferrous metal; 2, 6–24 — iron; 5, 25, 26 — bone (horn).

В погребении подростка 13–15 лет из кургана № 29а зафиксирован необычный для данной возрастной группы состав изделий (сложносоставной лук, железные наконечники стрел, в том числе один бронебойный, железный боевой нож в ножнах, пояс с различными ременными гарнитурами, костяная рукоять плети, костяной гребень). Большинство этих предметов выступали атрибутами сопроводительного инвентаря взрослых мужчин населения Алтая эпохи Великого переселения народов. Показательно, что в обобщенной выборке из 158 захоронений детей и подростков булан-кобинской культуры предметы вооружения обнаружены только у девяти индивидов (не более 5 %), а само по себе присутствие данных изделий определенно демонстрирует их высокое социальное положение, обусловленное главным образом происхождением и, вероятно, в меньшей степени — индивидуальными особенностями физиологического развития [Серегин, Матренин, 2020, с. 43–44]. Гребень относится к социально «престижным» элементам погребальной обрядности женской части населения Алтая последней четверти I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э. [Серегин, Матренин, 2020, с. 36, 66]. С формальной точки зрения подросток из кургана № 29а мог уже частично преодолеть обряд инициации во взрослое состояние. Вместе с тем умерший был похоронен без верхового коня, что является отклонением от нормы для «булан-кобинцев», практиковавших труположение с лошастью. При объяснении обозначенной ситуации важно отметить антропологическое заключение о том, что физическое развитие скелета молодого человека несколько отставало от состояния зубного аппарата, указывающего на биологический возраст 13–15 лет. Представленные наблюдения дают основание для предположения об «особом» социальном статусе подростка, получившем отражение в обрядовой практике. Вероятно, специфика прижизненного положения умершего определялась состоявшимся (в связи с возрастом и довольно высоким статусом семьи) «переходом» человека во взрослое состояние, но при этом сохранением некоторых ограничений, связанных с особенностями его физического развития.

Женщины. Все три раскопанных на памятнике Чобурак-I женских погребения по качественному составу вещевых комплексов выбивались из «социального стандарта» женского инвентаря кочевников булан-кобинской культуры эпохи Великого переселения народов, который предусматривал наличие основного (преимущественно простого) пояса и небольших металлических украшений, обычно в виде бронзовых блях-нашивок (подвесок) на головной убор и (или) верхнюю одежду [Серегин, Матренин, 2020, с. 72]. Учитывая малочисленность объектов, целесообразным будет кратко рассмотреть каждую могилу по отдельности с акцентом на выявление общих и особенных признаков, характеризующих прижизненный статус умерших.

Сопоставление качественно-количественного состава наборов сопроводительного инвентаря показывает, что наиболее высоким был прижизненный статус у женщины 30–35 лет, похороненной в кургане № 34. Погребенная имела весьма оригинальный по оформлению головной убор, состоявший, по-видимому, из повязки-диадемы, декорированной крупной золотой бляхой-нашивкой, и тканевой накидки, богато украшенной одной большой и семью малыми нашивными бронзовыми пластинами. У носителей булан-кобинской культуры обозначенные изделия относятся к социально «престижным» предметам [Трифанова, Соенов, 2019, с. 63–65; Серегин, Матренин, 2020, с. 92, табл. 4]. Кроме того, необходимо отметить присутствие в рассматриваемом захоронении других украшений (бляхи-нашивки на верхнюю одежду и сумочку, серьги, наконечник, подвеска из зуба марала), многочисленного снаряжения верхового коня (разнообразные уздечные бляхи, удила с псалиями, уздечные и подпружные пряжки, крепления), а также иных предметов, в том числе достаточно редких (косметическая щеточка, пряслице с орнаментом). Важно подчеркнуть, что по размерам насыпи и могильной ямы, а также особенностям конструкции данный объект не отличался от других курганов булан-кобинской культуры памятника Чобурак-I, содержащих захоронения взрослых людей. С учетом совокупности обозначенных характеристик можно сделать вывод, что рассматриваемая женщина являлась представительницей местной элиты скотоводов Северного Алтая второй половины IV — первой половины V вв. н.э. Наиболее близкие ей по статусу захоронения предтюрокского времени исследованы на некрополях Верх-Уймон, Дялян, Катанда-I и Кок-Паш [Гаврилова, 1965, с. 54; Соенов, 2000, с. 48–50, рис. 1–2, 8–10; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 176–177, табл. Va–б, XIII; Серегин, Матренин, 2020, с. 100].

Незаурядное положение в социальной стратификации «чобуракцев» занимала женщина 20–25 лет из кургана № 33. Основанием для такого заключения выступает обнаруженный с ней весьма специфичный набор предметов, в котором типично «женскими» изделиями являлись только серьга из цветного металла (зафиксирована в области пояса, вероятно, в сумочке) и железная ромбовидная подвеска. Остальные вещи (железная панцирная пластина доспеха,

шило, железный инструмент) в большей степени характерны для погребального обряда мужчин [Серегин, Матренин, 2020, с. 36]. Обратим внимание на то, что из данного захоронения происходит редкий уздечный набор, от которого сохранились различные функциональные (удила, ложновитые кольчатые псалии, пряжки, распределители, крепления, тренчик) и декоративные (бляхи, наконечники) гарнитуры. Наконец, важно подчеркнуть, что среди женских данное погребение выделялось самой большой по размерам насыпью, уступавшей по параметрам только захоронению мужчины из кургана № 30, а также устройством камеры в виде массивной деревянной колоды с перекрытием, размещавшейся на глубине 1,3 м от уровня древнего горизонта (могильные ямы в остальных объектах рассматриваемого комплекса не превышали в глубину 1 м).

В погребении женщины зрелого возраста (40–50 лет) из кургана № 32а были найдены несколько более скромный комплект «престижных» нашивных украшений головного убора в виде бронзовых пластин, снаряжение верхового коня (удила, уздечная и седельная пряжка, тренчик ремня, два седельных канта), а также другие изделия (две серьги, подвески из зуба марала, наборный пояс с небольшим количеством гарнитур, каменное пряслице, шило), которые демонстрируют социальный статус погребенной выше среднего — очевидно, она также относилась к достаточно привилегированной группе кочевников Северного Алтая предтюрокского времени.

Отметим, что в составе некрополя Чобурак-I женские могилы входили в один («восточный») ряд компактно локализованных погребальных объектов (рис. 2). При этом курганы № 32а и 34, похожие по облику сопроводительного инвентаря, были расположены в непосредственной близости друг от друга, что могло отражать тесные родственные связи умерших.

Мужчины. В рамках социальной интерпретации мужских захоронений необходимо отметить, что стандартный для них комплект погребального инвентаря «булан-кобинцев» Северного Алтая во второй половине IV — первой половине V в. н.э. предполагал наличие лука и (или) стрел с железными наконечниками, простых или наборных поясов с небольшим количеством гарнитур, орудий труда (железные ножи, стрелы с костяными наконечниками) [Серегин, Матренин, 2020, с. 72]. Социальная стратификация наиболее отчетливо проявлялась в качественном и количественном составе предметов вооружения, снаряжения человека и верхового коня, что отражает большое влияние на материальную культуру скотоводов региона эпохи Великого переселения народов военного фактора, демонстрирующего зависимость статуса мужчин от занимаемого ими места в системе воинской иерархии. В результате сравнительного анализа семь мужских захоронений могильника Чобурак-I разделены на три социальные группы.

Первая социальная группа включает погребения из курганов № 30, 30а, 38, которые содержали максимально «престижный» комплекс предметов вооружения, состоявший из трех наборов: средства ведения дальнего боя (лук, железные наконечники стрел), короткоклинковое (нож) и длинноклинковое (меч) оружие. Остальной инвентарь представлен двумя наборами воинского снаряжения (простые или наборные пояса, ножны), разнообразной амуницией верхового коня (удила, функциональные и декоративные элементы узды, застежки, детали седельной гарнитуры), орудиями труда (ножи и (или) стрелы с костяными наконечниками, плети и др.), а в двух объектах — также украшениями из цветного металла (пронизь, нашивные пластины). Общее число обнаруженных в захоронениях изделий варьировало от 35 до 76. Мужчины имели близкий возраст смерти: 25–30 лет, 30–35 лет, 30–40 лет. Важно отметить, что в рамках некрополя они образовывали компактное скопление внутри «западного» ряда погребальных сооружений (рис. 2). Показательно, что на костях двух из трех индивидов рассматриваемой группы зафиксированы следы насильственной смерти, связанные с использованием оружия. Данное свидетельство с большой долей вероятности может указывать на синхронность захоронений в курганах № 38 и 30а. При интерпретации обозначенных объектов стоит подчеркнуть, что носители булан-кобинской культуры помещали мечи в могилы военачальников или особо отличившихся профессиональных воинов [Горбунов, 2006, с. 74]. Вероятно, в курганах № 30, 30а, 38 были похоронены представители местной элиты скотоводов Северного Алтая второй половины IV в. н.э.

Вторая социальная группа представлена погребением мужчины 25–30 лет из кургана № 32, похороненного с оружием дальнего (лук и стрелы с железными наконечниками) и ближнего (боевой нож в ножнах) боя, наборным поясом с большим количеством гарнитур, стрелковым поясом с колчаным крюком-застежкой, предметами снаряжения верхового коня (удила, уздечная и подпружная пряжки, застежки, седельные канты) и орудиями труда (нож, плеть). Всего с умершим найдено 36 изделий. Сравнение зафиксированного комплекса предметов с материалами других некрополей Алтая показывает, что данный мужчина имел социальный статус выше среднего. В обобщенной

серии захоронений булан-кобинской культуры удельный вес объектов с похожим составом оружия и снаряжения не превышает 7 % [Серегин, Матренин, 2020, с. 95]. Вероятно, этот мужчина при жизни относился к зажиточной части кочевников Северного Алтая и являлся профессиональным воином. Особенностью планиграфии рассматриваемого кургана является его расположение в центре «восточного» ряда погребальных объектов, включавшего могилы женщин, ребенка и подростка (рис. 2). Причины такой локализации данного мужского захоронения пока непонятны.

Третья социальная группа объединяет погребения мужчин из курганов № 31, 31а, 34а, которые содержали только один набор предметов вооружения в виде лука и стрел с железными наконечниками. Другой зафиксированный инвентарь включал воинское снаряжение (пояс с большим количеством гарнитур и (или) стрелковый пояс с крюком-застежкой), амуницию верхового коня (удила, разнообразные железные детали узды, подпружные пряжки, застежки, седельный кант), единичные орудия труда (костяные наконечники стрел, ножи, плеть, шило), а в одном случае — железный котел. Количество обнаруженных в могилах вещей варьировало от 29 до 40. В возрастном отношении среди погребенных присутствуют индивиды 30–35 лет, 40 лет, а также старше 55 лет. Судя по имеющимся материалам, в могилах с таким инвентарем были похоронены представители зажиточной прослойки рядового населения булан-кобинской культуры⁴. В мирное время они являлись скотоводами и охотниками, а в военное — легковооруженными ополченцами [Серегин, Матренин, 2020, с. 96–97]. Обратим внимание на то, что в составе некрополя Чобурак-I курганы № 31, 31а, 34а образовывали компактное скопление в «западном» ряду объектов, который состоял только из мужских захоронений (рис. 2).

Заключение

Проанализированные материалы полностью раскопанного некрополя Чобурак-I, сформированного носителями дялянкой традиции обрядовой практики, предоставили основания для ряда важных заключений об особенностях демографии, половозрастной структуры и социальной стратификации населения Северного Алтая в предтюрокское время. Установлена типичная для булан-кобинской культуры ситуация резко выраженного количественного доминирования погребенных в составе комплекса мужчин над женщинами, а также средняя продолжительность жизни взрослых людей (мужчины — 35,7 года; женщины — 32,2 года), близкая аналогичным показателям многих групп кочевников Алтая конца I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э.

Исследование продемонстрировало, что главным маркером социальной стратификации «булан-кобинцев» был сопроводительный инвентарь. Выявлен «особенный» социальный статус подростка 13–15 лет из кургана № 29а, который определялся состоявшимся формальным переходом данного индивида во взрослое состояние при сохранении некоторых ограничений, обусловленных отставанием в физическом развитии. Судя по наборам украшений и конского снаряжения, все женщины имели социальный статус выше среднего. При этом женщина, погребенная в кургане № 34, занимала максимально высокое положение не только в рамках рассматриваемого локального коллектива, но и среди других групп булан-кобинского населения Северного Алтая в предтюрокское время. Вероятно, она являлась представительницей местной элиты кочевников. Социальная стратификация мужчин нашла отражение в качественном и количественном составе предметов вооружения, снаряжения человека и верхового коня. Изучение взаимной встречаемости различных категорий изделий позволило выделить три социальные группы: военачальники или особо отличившиеся профессиональные воины (курганы № 30, 30а, 38); профессиональный воин с высоким материальным достатком (курган № 32); представители зажиточной прослойки рядового населения (курганы № 31, 31а, 34а). Наличие у мужчин скелетных травм без следов заживления свидетельствует об активном участии «чобуракцев» в вооруженных конфликтах. Правомочность такой дифференциации подтверждается сопоставлением рассматриваемых захоронений с другими погребальными комплексами булан-кобинской культуры.

Одним из результатов работы стали наблюдения, касающиеся социальной планиграфии анализируемого комплекса: отдельная локализация погребений взрослых людей разного пола в отдельных рядах; расположение захоронений ребенка и подростка у кургана, возведенного для молодой женщины; компактное размещение могил военачальников или особо отличившихся профессиональных воинов. В целом, на основе полученных данных можно сделать вывод о том,

⁴ В связи с этим важно отметить специфику прижизненного статуса пожилого мужчины из кургана № 31а, учитывая, что у большинства мужчин, умерших в возрасте от 55 лет, отсутствовал сопроводительный инвентарь либо встречались единичные, социально не выразительные вещи.

что оставившие рассмотренный могильник Чобурак-I носители булан-кобинской культуры принадлежали к местной элите кочевников Северного Алтая предтюрокского времени. Таким образом, проведенное нами исследование позволяет уточнить сложившиеся представления о характере социальных процессов, происходивших на территории Алтая на рубеже поздней древности и раннего средневековья, а также демонстрирует дальнейшие перспективы комплексных реконструкций с привлечением широкого круга специалистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А.* Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.
- Васютин С.А., Васютин А.С.* Население Восточного Алтая в предтюрокское время // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2005. С. 224–236.
- Гаверилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Горбунов В.В.* Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
- Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В.* Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990. С. 43–95.
- Мамадаков Ю.Т.* Отражение общественных отношений булан-кобинского населения в детских погребениях // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 159–161.
- Матренин С.С., Тишкин А.А.* Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2005. С. 152–183.
- Митько О.А.* Археологические свидетельства миграции алтайских племен в восточноевропейские степи в конце первой половины I тыс. н.э. // Актуальные вопросы изучения историко-культурного наследия народов Евразии. Астана: Евразийский нац. ун-т им. Л.Н. Гумилева, 2018. С. 26–39.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С.* Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. — XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С.* Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. — XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 268 с.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С., Тишкин А.А., Паршикова Т.С.* Алтай в предтюрокское время (по материалам археологического комплекса Чобурак-I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. 432 с.
- Соенов В.И.* Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2000. № 5. С. 48–62.
- Трифанова С.В., Соенов В.И.* Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2019. 160 с.
- Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И.* Вооруженное насилие у скотоводов Горного Алтая гунно-сарматского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 4. С. 132–139.

Seregin N.N. *, Matrenin S.S.

Altai State University, prosp. Lenina, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation
E-mail: nikolay-seregin@mail.ru (Seregin N.N.); matrenins@mail.ru (Matrenin S.S.)

An experience of social interpretation of the materials from the pre-Turkic necropolis of Choburak-I (Northern Altai)

The paper concerns the main aspects of social interpretation of a series of burials excavated as part of the pre-Turkic period necropolis at the site of Choburak-I. This complex, investigated by the expedition of the Altai State University, is located in Chemsalsky District of the Altai Republic. The burial ground of the Bulan-Koba Culture comprises 12 burial mounds arranged in a compact group. Each of these contained an undisturbed human burial with or without a horse. The analysis of the retrieved accompanying inventory, involving the results of radiocarbon dating, allowed it to determine the chronology of the necropolis within the middle — second half of the 4th century CE. The excavation materials turned out to be highly informative for the study of various aspects of the social history of the population of Northern Altai in the pre-Turkic period. It has been established that the accompanying grave goods was the main marker of the social stratification of the 'Bulan-Kobins'. A 'special' social status of a 13- to 15-year-old adolescent from mound No. 29a was revealed, which was indicated by the completed formal transition of this individual to an adulthood with retention of certain restrictions due to the lag in physical development. Based on the sets of jewellery and horse equipment, all women had an above-average social status. Meanwhile, the deceased female buried in barrow No. 34 occupied a highest possible position and, probably, was a member of a local nomadic elite. The social stratification of men was reflected in the qualitative and quantitative composition of weapons and personal and horse equipment. The analysis of mutual occurrence of various categories of goods allowed the identification of three social groups: (i) warrior leaders or highly-distinguished profes-

* Corresponding author.

sional warriors (mounds Nos. 30, 30a and 38); (ii) a professional warrior with a high material wealth (mound No. 32); and (iii) members of the prosperous stratum of the civil population (mounds Nos. 31, 31a and 34a). The data obtained support a conclusion that the necropolis of the Bulan-Koba Culture at the site of Choburak-I was left behind by members of local nomadic elite of Northern Altai of the pre-Turkic period. The performed study refines the conventional views on the nature of social processes that were taking place in the territory of Altai at the turn of the late antiquity and Early Middle Ages, as well as demonstrates further prospects for complex reconstructions involving a wide range of specialists.

Keywords: Altai, Bulan-Koba Culture, pre-Turkic times, social interpretation, demographic structure, necropolis.

REFERENCES

- Bobrov, V.V., Vasjutin, A.S., Vasjutin, S.A. (2003). *Eastern Altai in the Great Migration period*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SO RAN. (Rus.).
- Gavrilova, A.A. (1965). *Burial ground Kudyrge as a source on the history of the Altai tribes*. Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Gorbunov, V.V. (2006). *Military affairs of the population of Altai in the III–XIV centuries. Part II: Offensive weapons (weapons)*. Barnaul: Altaiskii universitet. (Rus.).
- Kubarev, V.D., Kireev, S.M., Cheremisin, D.V. (1990). Mounds of the Bike place. In: *Arkheologicheskie issledovaniia na Katuni*. Novosibirsk: Nauka, 43–95. (Rus.).
- Mamadakov, Ju.T. (1997). Reflection of public relations of the Bulan-Koba population in children's burials. In: *Social'no-jekonomicheskie struktury drevnih obshchestv Zapadnoj Sibiri*. Barnaul: Altaiskii universitet, 159–161. (Rus.).
- Matrenin, S.S., Tishkin, A.A. (2005). Bulan-Koba culture of Gorny Altai. In: *Social'naja struktura rannih kochevnikov Evrazii*. Irkutsk: Irkutskii tekhnicheskii universitet, 152–183. (Rus.).
- Mit'ko, O.A. (2018). Archaeological evidence of the migration of the Altai tribes to the Eastern European steppes at the end of the first half of the 1st millennium AD. In: *Aktual'nye voprosy izuchenija istoriko-kul'turnogo nasledija narodov Evrazii*. Astana: Euraziiskii natsional'nyi universitet im. L.N. Gumilyova, 26–39. (Rus.).
- Seregin, N.N., Matrenin, S.S. (2016). *The funeral rite of the nomads of Altai in the II century BC — XI century AD*. Barnaul: Altaiskii universitet. (Rus.).
- Seregin, N.N., Matrenin, S.S. (2020). *Social history of the population of Altai in the era of nomadic empires (II century BC — XIV century AD): based on materials from archaeological complexes*. Barnaul: Altaiskii universitet. (Rus.).
- Seregin, N.N., Matrenin, S.S., Tishkin, A.A., Parshikova, T.S. (2023). *Altai in pre-Turkic period (based on materials from the Choburak-I archaeological complex)*. Barnaul: Altai university. (Rus.).
- Soenov, V.I. (2000). The results of excavations at the Verkh-Uimon burial ground in 1999. In: *Drevnosti Altaja*. Gorno-Altajsk: Gorno-Altajskii universitet, 48–62. (Rus.).
- Trifanova, S.V., Soenov, V.I. (2019). *Ornaments of the Altai population of the Hun-Sarmatian period*. Gorno-Altajsk: Gorno-Altajskii universitet. (Rus.).
- Tur, S.S., Matrenin, S.S., Soenov, V.I. (2018). Armed violence among the pastoralists of the Altai Mountains in the Hunno-Sarmatian period. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, (4), 132–139. (Rus.).
- Vasjutin, S.A., Vasjutin, A.S. (2005). The population of the Eastern Altai in the pre-Turkic period. In: *Social'naja struktura rannih kochevnikov Evrazii*. Irkutsk: Irkutskii tekhnicheskii universitet, 224–236. (Rus.).

Серегин Н.Н., <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

Матренин С.С., <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

Сведения об авторах: Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, заведующий лабораторией древней и средневековой археологии Евразии, Алтайский государственный университет, Барнаул.

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Алтайский государственный университет, Барнаул.

About the authors: Seregin, N.N., Doctor of Historical Sciences, Head of the Laboratory of Ancient and Medieval Archeology of Eurasia, Altai State University, Barnaul.

Matrenin, S.S., Candidate of Historical Sciences, Altai State University, Senior Researcher, Laboratory of Ancient and Medieval Archeology of Eurasia, Barnaul.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 18.12.2023

Article is published: 15.09.2024